

Виктор Пронин

Иван и Изольда

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин
Иван и Изольда

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Иван и Изольда / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Ее звали Изольда Мазулина. Имя, конечно, несколько вычурное, но его можно назвать и изысканным, тем более что изысканность – именно то, к чему постоянно стремилась эта женщина. Воротнички, манжетики, маникюр, перламутровая помада, такая, что и не поймешь сразу, есть ли на губах что-то постороннее или они сами мерцают так молодо и призывно, – все было брошено на достижение этой цели. В ушах у Изольды, или Золи, как ее все называли, простодушно полагая, что полное имя может ей казаться обременительным – так вот, в ушах у Золи неизменно теплились золотые сережки, иных она не признавала. На пальцах, разумеется, перстечки, ну и, сами понимаете, обручальное кольцо...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Иван и Изольда

Ее звали Изольда Мазулина.

Имя, конечно, несколько вычурное, но его можно назвать и изысканным, тем более что изысканность – именно то, к чему постоянно стремилась эта женщина. Воротнички, манжетики, маникюр, перламутровая помада, такая, что и не поймешь сразу, есть ли на губах что-то постороннее или они сами мерцают так молодо и призывно, – все было брошено на достижение этой цели. В ушах у Изольды, или Золи, как ее все называли, простодушно полагая, что полное имя может ей казаться обременительным – так вот, в ушах у Золи неизменно теплились золотые сережки, иных она не признавала. На пальцах, разумеется, перстечки, ну и, сами понимаете, обручальное кольцо.

Однако образ Мазулиной будет явно неполным, если ничего не сказать о ее ногах. Нет-нет, речь не о том, хороши ли были у нее ноги, стройны ли, так же молоды и призывны, как губы, дело в другом. Поскольку Золя не удалась ростом, она вполне благоразумно решила этот недостаток поправить, приняв на вооружение туфли с высокими тонкими каблуками, которые придавали бы ей ту самую изысканность. Поэтому неудивительно, что все, кто в разные годы знал Мазулину, вспоминают ее исключительно как женщину на высоких тонких каблуках. А ноги у нее были не то что полноваты там или кривоваты, нет, крепенькие ножки были у Золи, особенно это стало заметно на четвертом десятке. При ходьбе на высоких тонких каблуках они, естественно, напрягались, казались излишне мускулистыми, но она, похоже, этого не знала или же сознательно пренебрегала столь незначительным обстоятельством, считая его, может быть, даже привлекательным. Все мы заблуждаемся относительно своей внешности, и все мы склонны собственные недостатки называть странностями, особенностями, свидетельствующими о нашей неповторимости, а то и загадочности. Менялась мода, женщины надевали туфли с громадными квадратными каблуками, потом перешли на кроссовки, на туфли с мягкой подошвой, Мазулина же оставалась верна своему давнему выбору. И если опять же обратиться к людям, знавшим ее, каждый припомнит, что Изольду сопровождал по жизни незатихающий жестковатый стук каблуков. Шла ли она по асфальту, по паркету, каменным ступенькам или гранитным плитам вестибюлей, издали слышав этот подкованный перестук, все сразу понимали – где-то рядом Мазулина, приближается Мазулина, берегитесь Мазулиной.

Вот и выскочило это словцо – «берегитесь». И не случайно. Нет-нет, Мазулина не относилась к женщинам бесконтрольно общительным, но поговорить на возвышенные темы любила. Вся душа ее так стремилась за пределы обыденности, будничности, что даже выражение мазулинского лица было не просто одухотворенным, а даже как будто нездешним. Ее волновали театральные постановки, новинки литературы, газетные статьи об искусстве, очень переживала она, узнав, что какой-то актер бросил какую-то актрису и женился на другой. Конечно же, методическая контора при Министерстве чугуночной промышленности не могла удовлетворить ее душевные запросы. А работала Мазулина именно в этой конторе – исправляла грамматические ошибки в инструкциях, рекомендациях, указаниях, которые эта самая контора обязана была плодить и насыщать ими предприятия министерства. Можете представить себе тот громадный перепад между обязанностями Мазулиной и ее привязанностями. Жесткие жизненные ножицы.

Мазулина никогда не хохотала, только тонкая, понимающая улыбка. Не повышала голос – только спокойный, с придыханием, даже некоторой интимностью. Высокие каблуки принуждали ее держать распрямленной спину, а голову слегка вскинутой. Отсюда возникло мнение, что Мазулина гордичка, много о себе понимает и с пренебрежением относится к окружающим, хотя она всегда готова была с кем угодно поговорить, особенно об искусстве, особенно

об импрессионизме. Сотрудники, не желая обнаруживать свое невежество, слегка ее остерегались.

Муж. У нее был муж. Мазулин Федор Петрович. Он занимался оформлением городских витрин, как продуктовых, так и промтоварных. Если вы увидите в универмаге витрину, затянутую полотнищем, можете быть уверенными – там, за полотнищем, ковыряется Мазулин, общается с манекенами, стараясь придать их непослушным гипсовым членам жесты изысканные и привлекательные. Так что в чем-то душевные позывы Мазулиной и будничность забот ее мужа соприкасались. Но надо с горечью признать, что это соприкосновение было едва ли не единственным в их жизни. Да, да, да. Прошли годы, прошли десятилетия, и все, что пылало когда-то, постепенно улеглось. Муж находил утеху, встречаясь с друзьями-оформителями, жена ушла в мир возвышенных мечтаний. Маленькая девушка с восторженными глазами превратилась в привлекательную женщину с развитым чувством собственного достоинства и... Неловко, но сказать об этом надо – появился у Мазулиной животик, придавший ей вид не только серьезный, но даже неприступный. Случилось так, что внутренне она сохранилась куда лучше, нежели внешне. Внутри она оставалась прежней Золей, а вот снаружи, простите, – Изольда Матвеевна. И когда однажды утром она не смогла поместиться в свое любимое платье, когда убедилась, что в нем отпущено все, что можно отпустить, и все швы на пределе, и влезать в него попросту рискованно, Мазулина присела на кровать и, положив платье на голые колени, всплакнула, поняв – кончилась одна жизнь и начинается другая.

Господи, да все мы находимся где-то между двадцатью и тридцатью годами, сколько бы лет нам ни стукнуло. Именно там, в этом счастливом десятке, остались друзья и подруги, все наши помыслы и сладостные воспоминания. И живем мы там, там живем, а здесь лишь существуем, зарабатываем на хлеб, пьем водку, провожаем иногда взглядом существо, забредшее случайно из того десятилетия, куда нам не вернуться.

Прошел день. Вернулся с работы муж. Человек добрый, заботливый, но равнодушный, безразличный и духовно опустевший – так считала Мазулина и, наверное, была права. Авоська с картошкой и капустой из магазина, витрины которого Федор расписал сегодня полыхающими красками, мало ее утешила. От мужа пахло каким-то растворителем, был он слегка небрит, чуть неопрятен. Нет-нет, неопрятным назвать его нельзя, но по сравнению со сверкающими кружевами на воротничке у жены, по сравнению с ее пальчиками, туфельками на высоких каблуках... В общем, сами понимаете...

– Привет! – сказал Федор, грохая авоську в угол. – Как поживаешь? Что нового в мире?

– Оркестр приехал... Симфонический.

– Да? Чего это они разъездились... Все дела себе не найдут.

– Они по делу приехали... Дадут несколько концертов.

– Дадут? Ха, держи карман шире. Ничего они даром не дадут.

В ответ Мазулина только вздохнула.

– Ты не исправим, – сказала она, помолчав.

– Это хорошо или плохо? – засмеявшись, спросил Федор.

– Да как тебе сказать... И то и другое...

– Дорогая! – протянул Федор, поняв настроение жены. – Не надо. Все прекрасно. Какую я сегодня свеклу изобразил – за квартал видно! Если бы она у них еще и в продаже появилась... Директорша пришла в восторг и даже позволила картошки выбрать из общей кучи. Ты посмотри, какая картошка!

– Сварить?

– Не стоит... Мне надо к другу забежать...

– Выпьете?

– Если найдется.

– Найдется, – тихо, почти про себя проговорила Мазулина.

– Но ты ведь меня не осуждаешь?

– Что ты, что ты!

Пофыркав в ванной, поковырявшись в холодильнике, позвонив крышками кастрюль, Федор ушел. Мазулина подошла к окну, проводила мужа взглядом, присела к столу.

О, эти женские мысли на кухне!

Никто не предскажет, к каким отчаянным поступкам толкнет созерцание перекошенных шкафчиков, куцега стола, нищенских кастрюлек. Не в силах больше видеть все это, Мазулина прошла в комнату и поставила на проигрыватель пластинку с записью сочинений Иоганна Себастьяна Баха – есть такой композитор, вернее, был. Он давно помер, но пластинки его выпускают, и послушать их можно. Особенно ее тревожили клавесин со скрипкой, была в этой музыке слабая надежда на что-то высокое и чистое, когда, казалось, все вот-вот оборвется, рухнет и настанет тягостная немота, но музыка продолжала звучать, слабые, дребезжащие звуки крепили, почти неуловимая мелодия проявляла стойкость и силу, а скрипка не просто ее повторяла, она поддерживала, звала, увлекала, и за всем этим стояла уверенность в правоте. Нет, не возникали перед мазулинским воображением пейзажи, лица знакомые или незнакомые, и никакие желания не посещали ее в эти святые минуты. Лишь росла в душе твердость и ощущение правоты. А правота заключалась в том, что только любовь имеет смысл, только любовью можно измерять все на свете и все на свете оправдать. На пятнадцать лет назад унеслась Мазулина и даже не заметила, как закончилась пластинка и сработал автостоп.

Но встревоженность, вызванная клавесином и скрипкой, осталась. Наверное, все-таки Мазулина не была чужда высоких порывов и на концерты, вполне возможно, ходила не только для того, чтобы потом намекнуть об этом в разговоре с сослуживцами, измороженными неудачами в нашей чугунной промышленности. Еще звучала в ее душе музыка, когда Мазулина подошла к письменному столу, вынула из ящика толстую тетрадь в клеточку и, присев, подперев ладошкой щеку, поколебавшись, написала шариковой ручкой на первой странице «Дневник». Острая необходимость поделиться с кем-либо своей неутешностью в этот безрадостный вечер охватила ее. Надо ли говорить, что и музыка, и концерты, и кружевные воротнички – все было вызвано отсутствием любви в жизни Мазулиной. А именно любви ей и не доставало хоть для какой-никакой удовлетворенности в жизни. Отношения с Федором были вполне полноценными, но без трепета, без волнений и терзаний. Она наперечет знала все срамные подробности, которые произойдут, и не покидало ее ощущение, что вся эта ночная возня под одеялом не более чем исполнение опостылевших обязанностей по отношению друг к другу. Обязанности оба выполняли исправно, и единственное, чего добивались, – снимали нежелательное напряжение в организме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.